

Цикл
Владимира Маркова-Бабкина
НОВЫЙ МИХАИЛ

1917: Да здравствует император!
1917: Трон Империи

Владимир Марков-Бабкин

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М26

Серия «Попаданец»
Выпуск 80

Иллюстрация на обложке *Ивана Хивренко*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Марков-Бабкин, Владимир

М26 Новый Михаил : 1917: Трон Империи : роман / Владимир Марков-Бабкин. — Москва : Издательство АСТ ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-120093-0

Попав в разгар Февральской революции в тело брата Николая Второго, наш современник, спасая Россию от хаоса смуты и грядущей Гражданской войны, вынужден организовать и возглавить фактический мятеж, захватив все рычаги власти в стране и действуя от имени уехавшего Николая II. Пытаясь спасти монарха и империю, он сам принимает корону и становится новым императором Всероссийским Михаилом Вторым.

Революция отступила, стабильность восстановлена. Но цена высока — он слишком многое и многим обещал. Слишком радикальные реформы объявил. Слишком многим встал поперек дороги. И вот группа высших должностных лиц старой элиты собирается свергнуть нового царя, вернув трон «законному императору». Заговор и мятеж грозят гибелью попаданцу и катастрофой всей стране. Россия стоит на пороге страшной Гражданской войны...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-120093-0

© Владимир Марков-Бабкин, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Искренняя благодарность всем моим коллегам, принимавшим активное участие в обсуждениях и доработке текста книги на сайтах «Самиздат» и «В Вихре Времени».

Отдельное спасибо *Виталию Сергееву* за помощь.

Спасибо вам, *друзья*. Мы вместе сделали книгу лучше.

Посвящается моей семье

Глава I
НА ПОРОГЕ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

*Петроград. Дворцовый мост.
5 марта (18 марта) 1917 года.
Около полуночи*

Всего неделю назад я стоял на этом же месте и любовался залитым ярким освещением ночным Санкт-Петербургом, празднично украшенным новогодней иллюминацией и только-только начавшим отходить от бурной встречи наступившего 2015 года. Тогда вокруг меня было множество веселых людей, сотни туристов фотографировались на фоне великолепной панорамы, ярко подсвеченного Зимнего дворца и других зданий набережной Невы.

Увы, все это великолепие недельной давности осталось там, в далеком и теперь, скорее всего, недостижимом для меня будущем. Не сновали сейчас вокруг меня туристы, не двигался больше через мост плотный поток ярких

автомобилей, и лишь одинокий возница на санях процокал по снегу копытами своей лошади. За парапетом моста раскинулся темный и хмурый город, именуемый здесь Петроградом, а Зимний дворец, окрашенный в это время в сплошной терракотовый цвет, высился мрачной громадой, слабо освещенный тусклыми уличными фонарями.

Даже воздух изменился. Тяжелый и тягучий, густо пропитанный запахом дыма и гарью труб тысяч домов, многочисленных заводов и фабрик. Добавьте сюда неизбывный аромат навоза и конского пота, и вы вполне сможете представить себе атмосферу имперской столицы 1917 года.

Далекий протяжный гудок паровоза лишь добавил сумрачности и тоски в мою душу.

— Государь, благоразумно ли гулять ночью? Время крайне беспокойное.

— Пустое, Евгений Константинович. Мост охраняется, а до Зимнего дворца рукой подать. Да и нет на мосту никого в этот час.

Начальник моей охраны кивнул и отошел в сторону. Генерал и его люди делают свою работу, а я должен делать свою. Но как?

Все было плохо. Город недобро затаился. Казармы были переполнены теми, кто еще шесть дней назад бесновался на улицах Петрограда, теми, кто был готов вновь начать бузить

в любой момент. Столица наводнена всякого рода сомнительными личностями, агитаторами, мешочниками, дезертирами. Замершие по случаю ночи улицы могли вновь наполниться яростью в любое ближайшее утро. Возможно, прямо завтра.

Возможно, я ошибся, объявив о всепрощении и прочей амнистии в связи с моим восшествием на престол. Тогда, пять дней назад, пытаясь избежать лишней крови в начале своего царствования, я официально простил всю ту шушеру, которая устраивала тут заговоры и прочие непотребства. И теперь все эти Родзянки и прочие Милюковы вновь плели заговоры и были готовы вцепиться мне в глотку в любой момент.

Но был ли у меня выбор? Брать штурмом город и вести уличные бои, зачищая его от мятежной заразы? Крайне не хотелось устраивать бойню на улицах. Впрочем, была высокая вероятность, что все эти революционно настроенные солдаты петроградского гарнизона в своей массе просто разбежались бы. Но особо упоротые вполне могли устроить светопреставление со стрельбой и пожарами. Стоило это делать? Тогда, пять дней назад, ответ мне казался очевидным. Тем более что я рассчитывал на то, что многих лидеров и заводил я смогу взять за задницу позднее, когда ситуация стабилизируется.

Но, судя по всему, все эти деятели считают так же и спешат принять меры на опережение.

Эх, мне бы еще два-три дня обойтись без очередного мятежа! Верные фронтовые части прибывают в Петроград, но прибывают, что называется, в час по чайной ложке. Все железнодорожные пути забиты, и тут явно не обошлось без саботажа, поскольку пути забиты в основном вагонами с хлебом, которые, соответственно, мешают проходу воинских эшелонов в столицу.

Да, хлеб нужен, тем более что, устраивая попытку революции две недели назад, заговорщики прекратили подвоз продовольствия в Петроград, что спровоцировало сначала гигантские очереди, а затем и выход народа на улицы. Так что допустить повторения перебоев в такой взрывоопасной ситуации я не мог, но и обойтись без армии я тоже не мог.

А меж тем безусловно верных мне войск в столице сейчас крайне мало. Зато казармы Петрограда, рассчитанные на двадцать тысяч солдат, набиты выше всякой завязки ста шестьюдесятью тысячами тех, кого и солдатами-то назвать язык не поворачивается, теми, кого не стали загребать в армию во все прошлые мобилизации. И весь этот контингент категорически не желал на фронт и был готов поддержать любого, кто пообещает их туда не отправлять.

И сегодня ситуация, и без того аховая, резко обострилась после идиотского (иначе и не скажешь) распоряжения главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала Иванова, который отдал циркулярный приказ всем запасным полкам лейб-гвардии, расквартированным в столице, быть готовыми к отправке на фронт в недельный срок. И, разумеется, этот приказ был тут же доведен до сведения не только исполнителей, но и самой солдатской массы. Нужно ли говорить о том, что это произвело самое тягостное впечатление на «бравых защитников Отечества» в столичных казармах?

Добавьте к этому, что структуры МВД в столице только-только начали приходить в себя после фактического разгрома во время минувших февральских событий, и вы поймете, насколько все было плохо. Ведь даже госаппарат в Петрограде сейчас толком не начал функционировать. Одних архивов сколько пожгли. Разумеется, не все пожгли «революционные массы», но списали на них все, что только возможно, подчищая следы.

Но и те сведения, которыми таки снабжали меня Отдельный корпус жандармов и департамент полиции, отнюдь не внушали оптимизм. Шли разговоры о том, что ваш покорный слуга никакой не император, а самый настоящий

узурпатор, который под угрозой жизни вырвал у Николая Второго отречение не только за него самого, но и за цесаревича, тем самым злонамеренно лишив его законного права престолонаследия. Что император Алексей Второй ждет выступления верноподданных и что он будет благодарен всем тем, кто ему поможет вернуть себе родительский престол. Причем такие разговоры шли и в казармах, и в кулуарах Государственной думы, и в столичных салонах, и на рынках, и в очередях. В разных местах эти разговоры находили разную степень сочувствия, но то, что такие разговоры быстро набирали оборот, было непреложным и до чрезвычайности тревожным фактом. Интриги уже полным ходом обретали очертания реальных заговоров, а сплетни в великосветских салонах однозначно утверждали, что государю императору Михаилу Александровичу Романову править осталось всего несколько дней и он уже вот-вот отречется. Или его отрекут. Возможно, даже обойдутся без романтики, без табакерок в висок и прочих гвардейских шарфов, а просто и без изысков поднимут августейшую особу на солдатские штыки.

В бессильной ярости сжимаю пальцами ледяной парапет моста.

Пять дней. Пять дней я на троне. Никогда еще я не был так близок к катастрофе. Ни в то

ужасное утро, когда вдруг очутился в теле царского брата в самый разгар мятежа в Петрограде, ни даже потом, на следующую ночь, в Могилеве, когда меня не стал слушать Николай Второй, а заговорщики взяли под арест.

Пять дней. За эти пять дней я прошел путь от полного оптимизма человека, которому удалось невозможное, до момента осознания того, что катастрофу я, похоже, лишь отсрочил и усугубил.

И теперь не работали методы, которыми я так лихо орудовал прежде. Аристократии и прочим обитателям салонов я решительно не нравился со своими идеями, речами и заигрываниями с чернью, так что они меня справедливо ненавидели. Солдатам запасных полков я теперь совсем не люб, поскольку обещанная мной земля, она где еще и когда будет неизвестно, а объявленная перспектива фронта могла сократить надел до размера братской могилы в самые ближайшие недели. Остальные столичные жители просто ждали, чья возьмет, и не спешили ни на чью сторону, объявив негласный нейтралитет. Добавьте к этому интриги в высшем свете, повышенную активность британского и французского посольств, и картина предстанет совсем уж распрекрасная.

Да, все было плохо. Но хуже всего то, что на начальном этапе сегодняшнего кризиса члены

моей наспех сколоченной команды действовали совершенно вразнобой, отдавая часто взаимоисключающие команды. Особенно, конечно же, отличился антигерой сегодняшнего дня генерал Иванов.

Я уже начинал серьезно жалеть о своем решении оставить в силе приказ Николая Второго о назначении Иванова на должность главкома Петроградского военного округа, поскольку он все больше напоминал решительного слона в посудной лавке, причем слона, все время обижающегося на любую критику, особенно с моей стороны, и все время с надрывом в голосе повторяющего: «Что ж, может быть, я стар; может быть, я негоден, — тогда пусть бы сменили, лучшего назначили. Я не держусь за место...» — ну и так далее. Со скупой мужской слезой, как говорится.

И самыми мягкими эпитетами, которыми я мысленно награждал генерала Иванова в эти дни, были «старый дурак», «самовлюбленный индюк» и «упрямый осел». Становилось понятно, что кадровый вопрос нужно срочно решать, но тут Иванов выкинул свой фортель с отправкой запасных частей на фронт. Я так и не пришел к однозначному мнению, была ли это отчаянная попытка что-то мне доказать, выходка упрямого осла или, что тоже нельзя было исключать, никакого глубинного смысла

генерал Иванов в свои действия не вкладывал, а руководствовался своими особыми соображениями о правильности действий. В любом случае своей выходкой он усугубил положение до крайности.

Издав свой приказ, Иванов загнал ситуацию в тупик, и теперь не было никакой возможности что-то и как-то переиграть, поскольку уже никто не поверит ни в передислокацию в тыл, ни тем более в прощение и дальнейшее нахождение в Петрограде.

В Зимнем дворце весь вечер шло совещание о ситуации в столице. В здании Главного Штаба был создан кризисный центр. Входили и выходили офицеры, вбегали и выбегали вестовые, работал телеграф, а барышни на коммутаторе не успевали соединять абонентов.

Ситуация стремительно ухудшалась. К вечеру пришли первые известия о том, что в казармах Петрограда идут брожения и звучат призывы к выступлению. Пришлось и так немногочисленные фронтовые батальоны перебрасывать в разные концы города для блокировки бузящих казарм, из-за чего был фактически оголен центр столицы. Правда, генерал Иванов сумел-таки где-то высвободить один батальон и распорядился перебросить на охрану Зимнего и Главштаба. В центре было пока тихо, но оставлять главные центры вла-